

1991. 22 августа (с. 11)

Я был директором Большого театра...

Михаил ЧУЛАКИ

В конце шестидесятых годов Г. Рождественский отошел от постоянного дирижирования в театре. И тут к нам в театр стал приходить М. Ростропович. Его очень ценили и С. Прокофьев, и Д. Шостакович. Шостакович как-то говорил: «Сегодня я обедал в обществе гения, понимаете, в обществе гения! Я боюсь, что он надорвется: он за все берется, понимаете...». И действительно, Ростропович помогал многим композиторам, в том числе и Прокофьеву в сочинении «Войны и мира». Например, ему принадлежат идеи использовать тему из «Ивана Грозного» («Ах ты степь татарская») для арии Кутузова. Помогал он Прокофьеву и редактировать исполнительскую сонату. Поэтому я официально пригласил М. Ростроповича дирижировать «Войной и миром».

Событием стала постановка М. Ростроповичем и Б. Покровским «Евгения Онегина». Я присутствовал на репетициях и мне казалось, на моих глазах происходит очистка души корабля от наростных ракушек. Музыка освобождалась от штампов и зазвучала удивительно свежо!

Публика очень любила дирижирование М. Ростроповича. Оно никогда не бывало будничным, спектакли шли на нерве, захватывали и слушателей, и исполнителей. Это не были вялые заунывные представления «текущего репертуара».

Кстати, о рядовых спектаклях. С самого начала своего «второго пришествия» я стал записывать свои замечания о прошедших спектаклях в специальный журнал. А бывал я на всех спектаклях, так что получалась как бы музыкальная летопись текущего репертуара. Отказы мои вызвали большой интерес, после спектакля многие спешили прочитать, что там написал Чулаки.

Но на одном общем собрании Б. Хайкин со свойственным ему едким остроумием заметил по поводу моих записей:

— С нами уже стали манифестами разговаривать!

Как полагается, это было рассчитано на аплодисменты — и аплодирующие нашлись.

Так мои музыкально-критические занятия стали увядать и постепенно сошли на нет: манифесты так манифесты. Слово было найдено и убито дело. Помоему, полезное.

Перед поездкой во Францию в конце 1969 года оперной труппой произошел дирижерский кризис. Г. Рождественский был еще главным дирижером, но решил уйти, так как у него возник конфликт с Министерством культуры СССР. И тогда вдруг Рождественский уехал в Сочи и прислал телеграмму, что согласен ехать в Париж, но только не в качестве главного дирижера, и что он не вернется из Сочи, пока не будет назначен в театр другой главный дирижер.

Что было делать? Е. Светланов уже работал в Госоркестром. Мы пригласили лауреата второй премии недавнего всесоюзного конкурса дирижеров Ю. Симонова. Я предложил Е. Фурцевой: «Назначим молодого талантливого дирижера, который ведет «Игоря», исполняющим обязанности главного. А там посмотрим». Я подал ей и соответствующую бумагу. Фурцева, видимо, согласовала вопрос в ЦК, и Симонов был назначен и. о. Рождественский благополучно вернулся из Сочи и дирижировал в Париже «Войной и миром».

Гастроли успешно закончились, мы возвратились в Москву, и тут же мне звонит В. Ф. Кухарский и говорит:

— Что делается с Симоновым? А она (надоела мне эта дама!) и слышать не хочет об и. о. Приходи, наложим ей, а я буду стоять за твоей спиной и тебя поддерживать.

Я пришел, думая, что все быстро выяснится.

— Екатерина Алексеевна, мы же условились...

— О чем условились?! Какой и. о.?

Оказывается, ЦК настаивал на том, чтобы Ю. Симонов был назначен постоянным главным, и исходило это от А. П. Кириленко, так как Кириленко был когда-то секретарем Ставропольского крайисполкома, где в Пятигорске Симонов был главным дирижером курортного оркестра. Фурцева имела неосторожность позвонить Кириленко: «Но я не знаю такого дирижера...» — «Зато я знаю!» — отрезал Кириленко. Видимо, тут же последовала и жалоба на Фурцеву в отдел ЦК, откуда ей указали на беспорядки в ее министерстве...

Так Симонов стал главным дирижером Большого театра и пробыл на этом посту семнадцать лет. А мои протесты против этого явились предпоследней каплей...

Осенью открылся новый сезон. Отношения с Фурцевой были ровные. В ноябре она уехала отдыхать в Сочи... И тут-то совершилось событие, на первый взгляд никакого отношения к Большому театру не имеющее: М. Баршников и Н. Макарова, два выдающихся солиста Кировского балета, не вернулись с очередных гастролей. Это-то и оказалось последней каплей!

Фурцеву срочно вызвали из Сочи — и спросили! Спрашивал кто-то с самого верха, — думаю, что от Суслова, хотя никаких доказательств у меня, естественно, нет. Перед Фурцевой замаячил вывод на пенсию, чего она смертельно боялась, и тут она готова была пожертвовать чем угодно, лишь бы спастись самой. На спрощенное с такой высоты нужно было реагировать немедленно и одним способом: доложить, что меры приняты, что недостатки исправляются! Но Баршников-то с Макаровой были вне министерской досягаемости. Так что за происшествием в Театре имени Кирова должен был ответить директор Большого, что по министерской логике казалось вполне естественным.

Меня вызвал Кухарский и сказал:

— Я хочу тебе объявить наше общее мнение: тебе надо уйти из Большого театра.

Я выслушал, повернулся и ушел. Он кричал мне вслед:

— Да стой, куда же ты?!

— Я выслушал и ухожу.

Но я не мог уйти, не узнав мнения людей, от которых зависел вопрос. Я отправился к секретарю ЦК, который курировал Отдел культуры, П. Н. Демирчаеву. Демирчев встретил меня очень радушно, поил чаем с сухариками и разъяснял ситуацию: моя большая ошибка в том, что я не ставил произведений советских авторов. Я тут же перечислил ему больше десятка советских произведений, поставленных в Большом театре при моем директорстве: «Спартак», «Оптимистическая трагедия», «Семен Котко»...

— Да? А вот композиторы жаловались, что вы упорно их не ставите.

— Видно, приходили жаловаться те композиторы, чьи произведения не ставились. А если бы пришли те, чьи произведения ставились, картина была бы совсем иная.

— Да? Пожалуй, вы правы.

— А видели ли вы нашу последнюю премьеру «Семен Котко»?

— Нет, а что это за произведение?

Я рассказал о достоинствах оперы, о музыке и сказал, что

Большой театр числит эту постановку в своем активе.

— Да, но «Пиковой дамы» все же не получилось.

На этом беседа кончилась — конкретного ответа Демирчев не дал. Я понял, что, кроме благожелательности и сухих, здесь ничего не найти.

Будучи членом Московского горкома, я пошел к В. В. Гришину.

Гришин был далеко не столь любезен, но принял, правда, сразу. Моя первая фраза была неудачна:

— Виктор Васильевич, ведь Большой театр работает хорошо!

На что последовал ответ:

— Мог бы работать лучше.

Я только сказал:

— Про всякого даже самого крупного руководителя можно сказать, что мог бы работать лучше.

На этом аудиенция завершилась.

Дальше я отправился к Фурцевой. И не скрою, что у меня скатилось несколько слезинок. Пришлось сказать:

— Вы не обращайте внимания на мою минутную слабость, но Большому театру я отдал слишком много сил и времени.

Она тут же позволила Кухарскому:

— Вы уже заготовили документы о переводе на пенсию?

Машина уже была запущена...

После этого я встретился с Фурцевой еще раз — при оформлении пенсионных дел, и она сказала:

— Мне будет без вас очень трудно.

Это единственное, что я получил на прощание.

Наутро после изгнания мне позвонил Д. Б. Кабалаевский.

— Миша, это правда?

— Правда.

— Но как же так? Ты же личность!

— За это и выгнали!

Чтобы пресечь нежелательные разговоры, была пущена в ход прохвостская — иного слова не подберу — формула. На вопросы, почему сняли с директорства Чулаки, отвечали: «Вы еще всего не знаете! Если б вы все знали!».

А сограждане наши привыкли, что всего знать им не полагается, что самые важные дела, самые интересные подробности являются государственными секретами — привыкли и не спрашивали. И Бог весть, какие догадки на мой счет они строили, — очевидно, каждый в меру своей фантазии. Или своей испорченности.

По мысли чиновников из отдела ЦК, меня должно было утешить то, что во время празднования 200-летия Большого театра я неожиданно для себя был награжден орденом «Дружбы народов».

Вместе с тем, прохвостская формула сработывала в течение многих и многих лет. Моя фамилия не упоминалась и не упоминается в связи с Большим театром. В «Московской правде» автору, предложившему написать статью к моему юбилею, ответили: «Композитор в опале». Естественно, ведь — «вы еще всего не знаете!».

И когда Ю. Н. Григорович занял со мной работу над «Иваном Грозным», Е. А. Фурцева всемерно противилась к привлечению меня даже в этой чисто музыкальной работе...

От редакции. Завершая публикацию глав из готовящейся к печати книги М. И. Чулаки «Я был директором Большого театра...», редакция выражает признательность Ольге Лаурентьевне Чулаки, предоставившей в распоряжение редакции рукопись.